

*А. Д. Махнов**

БИБИХИН ЧИТАЕТ АРИСТОТЕЛЯ: ЧЕЛОВЕК — ЖИВОТНОЕ — ПРИРОДА**

В статье представлено одно из возможных современных прочтений естественно-научных сочинений Аристотеля, а именно «История животных» и «О возникновении животных», представленное В. В. Бибихиным в курсе лекций «Лес». Исследование Аристотелем животных, в ряду которых стоит человек, обладает для В. В. Бибихина эвристическим характером: ставятся вопросы об отличительных особенностях человека, о причинах поведения человека и животного, причинах появления живого и видов животных, которые понимаются не как специальные зоологические, но напрямую связанные с онтологией. Поведение животных понимается как действие *автоматов*, основанное на собственной природе. В этом контексте проблематизируется поведение человека: с одной стороны, как его сознательное поведение, с другой — его поведение в состоянии *амехании*. Перспектива такого комментария выводит на новое понимание не только биологии как этологии, сближая их с этикой, но вновь помогает увидеть природу как то, что само себя движет.

Ключевые слова: Аристотель, естественнонаучные сочинения Аристотеля, В. В. Бибахин, амехания, автомат.

A. D. Makhnov

BIBIKHIN READS ARISTOTLE: MAN — ANIMAL — NATURE

The article examines the results of V. V. Bibikhin's original understanding of Aristotle's natural-scientific works. In the context of the thematization of matter, V. V. Bibikhin takes

* Махнов Арсений Дмитриевич — аспирант, arsmahnov@gmail.com, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Arsenij D. Makhnov — graduate student, arsmahnov@gmail.com, the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01107, <https://rscf.ru/project/24–28–01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24–28–01107, <https://rscf.ru/project/24–28–01107/>; the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

a step towards a new interpretation of Stagirite's zoological works "History of Animals" and "On the Origin of Animals". Aristotle's study of animals, among which man stands, has a heuristic character for V. V. Bibikhin: questions are posed about the distinctive features of man, about the reasons for man's and animal's behavior, the reasons for the emergence of living things and animal species, which are understood not as special zoological questions, but questions directly related to ontology. Animal behavior is understood as the action of automata, based on their own nature. Following this, automatic human action, corresponding to its nature, is understood by V. V. Bibikhin as possible only outside of consciousness (in a state of amechania). In turn, the birth of animals is interpreted as the giving of form to the fetus by the male — the addition to matter of that without which it would not be an animal, an automaton, self-propelled. This formation is understood as the aesthetic impact of the male, which, by its seizing, reveals the feeling soul, which is simultaneously the goal and fullness of the animal. The prospect of such a commentary leads to a new understanding of biology as ethology, bringing them closer to ethics, but again helps to see nature as that which is connected with being, self-propelled (automaton).

Keywords: Aristotle, Aristotle's works in natural science, V. V. Bibikhin, amechania, automaton.

Владимир Вениаминович Биbihин, оригинальный мыслитель, философские горизонты которого включают в себя античную философию, не раз в своих книгах, статьях и курсах лекций* обращается к текстам Аристотеля. Его отношение к Аристотелю можно охарактеризовать как диалог, в котором сказанное Аристотелем понято как задача мышления. Иначе говоря, философия Аристотеля оказывается для В. В. Биbihина началом размышлений, которые выходят за границы рассмотрения *собственно* философии Стагирита и намечают перспективу прочтения и толкования его философии в новом ключе. Мы предполагаем проследить ход мысли В. В. Биbihина и показать его *метод* чтения Аристотеля как вариант диалога с автором.

Курс лекций под названием «Лес» [6], прочитанный на философском факультете МГУ в 1997/98 гг., В. В. Биbihин начинает с прояснения смысла основного для его замысла слова — «лес», которому соответствует греческое *hyle*. Он понимает *лес* как нечто необработанное, не размеренное человеческим сознанием и культурой место. Так, в отличие от парка, регламентированного места, где мы всегда имеем метки, позволяющие нам ориентироваться, *лес* осмысливается им как *неразмеченное*, то, в чем можно потеряться. Но также *лес* понимается как строительные леса, за которыми скрыто важное, и как горячее (лес в этом смысле — те же нефть и газ, которые произошли из древних растений), наконец, *лес* толкуется в собственно аристотелевском смысле — как материя, начало, *из которого* всякое сущее.

Экспликация материи в считающихся классическими трудах Аристотеля на эту тему — «Физика» и «Метафизика» — видится В. В. Биbihину основополагающей, но для его замысла недостаточной: автор «Леса» вовлекает в контекст

* Помимо курсов «Лес», прочитанного в МГУ осенью 1997 г. — весной 1998 г. и «Онтологические основания правды», прочитанного вслед за «Лесом» в МГУ осенью 1998 г. — весной 1999 г., анализируемых в статье, есть, к примеру, курс «Энергия», впервые прочитанный осенью 1990 г. — весной 1991 г. в МГУ, а также статья-предисловие к переводу «Метафизики» П. Д. Первовым и В. В. Розановым «К переводу "Метафизики" Аристотеля».

своей интерпретации так называемые «зоологические» сочинения Стагирита: «История животных» и «О возникновении животных».

Мы проследим, почему для понимания материи — «леса» — В. В. Биbihин обращается к этим, редко рассматриваемым в связи с материей, сочинениям Аристотеля. Кроме того, мы опишем особенность подхода В. В. Биbihина к интерпретации текстов Аристотеля.

Спрашивая о том, что сделано В. В. Биbihиным в ходе интерпретации Аристотеля, мы, как кажется, рассчитываем получить результат как итог сложившегося исследования, как окончательно оформленный смысл. Однако автор ведет нас сквозь важные для него и его темы тексты, заставляя «перечитывать» их, сплетая их в непривычные (в традиционном смысле) контексты и заставляя ставить вопросы по-новому.

Рассмотрим характерные для автора «Леса» приемы работы с Аристотелем. В. В. Биbihин полагает, что к чтению Аристотеля нужно быть *готовым*^{*}: в заключительной лекции курса он говорит, что *только в этот момент может начаться настоящее чтение* Аристотеля [6, с. 422]. Иначе говоря, свой курс он считает пропедевтикой. При этом пропедевтика предполагает своего рода *метанойю*, формирование настроя, без чего понимание невозможно. В. В. Биbihин об этом пишет так: «Обращение внимания здесь включает читающего и его внимание к тексту; чтение, настоящее, это чтение и читателя *не* меньше, чем чтение текста» [7, с. 5]. Потому чтение Аристотеля — это чтение актуальное, оно имеет смысл тогда, когда мы замечаем, что речь идет о том, что задевает нас^{**}. Умное чтение не встраивается в заранее определенные рамки. «Внимание, которое не инструмент, взятый человеком, а то первое, куда он может и должен падать, не направлено на лес, а, сделаем пока такое предположение, догадку, как лес захватывает и выводит из метрического пространства» [6, с. 58]. Лес, материя, захватывает, и понять его можно только вдумавшись в этот феномен *захваченности*. Только доверившись захваченности, а не силясь её избежать, освободиться от неё, мы можем понять настоящее. В. В. Биbihин актуализирует два принципиальных аспекта материи: невозможность помыслить ее (в силу отсутствия у нее *как у материи* эйдоса), и в то же самое время — «вдвинутость» её в *быт* человека: вещи, дома, корабли делаются из леса, древесины; энергия — из древесины, леса; атомная энергия — из мельчайших частиц материи; и наконец, размышления о появлении человека включаются Биbihиным в этот контекст (смысловая связь материи и матери следует из самой этимологии этих слов).

Разбор^{***} нужен для выявления и снятия особенных взглядов на животное и человеческое. В финале В. В. Биbihин подчеркивает: «Цель не “Аристотеля изучить”, его “концепцию материи”, матери или леса, а научиться у него видеть,

* В. В. Биbihин называет работу, проделываемую им на протяжении курса лекций «Лес», разбором.

** «В первом случае я назвал историю в нашем смысле как движение, развитие, и не всё равно какое, а в котором есть *интерес*, *inter-est*, не всё равно, есть большая разница или даже вся разница, которая нас задевает, куда пойдет и какое движение» [6, с. 163].

*** См.: прим. 4.

что мы без него бы не увидели, что из леса мы не вышли» [6, с. 144]. То есть для В. В. Библихина чтение «далекого» Аристотеля имеет целью прояснение собственного положения, как отмечается в «Онтологических основаниях правды», такого положения, в котором этика оказывается той же этологией*, несмотря на выделение последней в самостоятельную науку только в XX в. Как утверждает автор «Леса», привычное разделение на человеческое и животное поведение оказывается предрассудком, который не имеет оснований в опыте [5, с. 355]. В интерпретации В. В. Библихина эстетика, этика, онтология суть разные курсы, в основании которых один и тот же феномен — сущее, рассмотренное в разных аспектах. Это *одно* последующая история мысли гипостазировать как самостоятельные объекты.

Остановимся на вопросе, поставленном В. В. Библихиным — читателем и толкователем Аристотеля: легитимно ли выделять как особенное такое сущее, как человек, противопоставляя его животному. Аристотель в «Истории животных» не выделяет человека из ряда животных, говоря о том, как размножаются, какому роду принадлежат животные, живут стадом или нет [2, с. 73–75]. Иными словами, человек рассматривается Аристотелем как равный другим животным. В. В. Библихин идет дальше. Согласно его толкованию, и нравственность не оказывается отличительной особенностью человека: в курсе «Онтологические основания правды», который следовал за «Лесом», говорится, что непривычность слышать о нравственности или безнравственности животных возникает от дистанции, а не сущности. «Нравственная порча» возможна и у животных: «Если синица не защищает гнездо, ученый этолог говорит: это урод, недостойный иметь потомство» [5, с. 349]. Грех и огрех может случиться и в человеческом, и в животном**. Не удастся проследить безусловную черту, отделяющую человека и другие живые существа***: человек не может

* Этология — биологический метод изучения поведения животных и человека, который предложен Конрадом Лоренцом и Нико Тинбергеном и основан на характерном для вида поведении в качестве приспособления к природному окружению [10, с. 385].

** «Сбой, конечно, сколько угодно возможен в природе. Синица могла ошибиться, заманивая кота, и попасть ему в когти. Но мы интуитивно чувствуем резкую разницу: сбой в природе — огрех, в религии, в человечестве — грех; ощущения важной разницы между огрехом и грехом пусть пока будет достаточно, дефиницию дадим потом. Попытаемся пока только нащупать, в каком направлении ее надо будет искать. Ошибка синицы не грех, как погибнуть в честном поединке не грех. Представим теперь синицу, которая *боится* кота и потому отказывается от смертельно опасной игры с ним. Мы склонны думать, что такого не бывает, что синица всегда будет честно высидивать птенцов, а потом беззавестно защищать их, потому что смотрим на природу со стороны. Конечно, судя по тому, что мы знаем о ритуалах и церемониях неприрученных животных и о том, как они предпочитают смерть нарушению закона, все они близки к структуре строгой секты, например, такой, которая скорее сожжет себя, чем откажется от своего вида. Тем не менее птицы на самом деле бросают гнезда, уклоняются от исполнения родительского долга, только мы с нашей дистанции этой стороны жизни не замечаем» [5, с. 348].

*** «Человека нужно определить как живое существо, впервые отрешившееся от своих природных орудий. Они соответственно у него деградируют». [5, с. 346]; «Тогда всё различие между человеком и остальным живым сводится к тому, что остальное живое работает только на верное (т. е. на верняка) и записывает себя в генетической программе, а человек

уйти от *животного* в себе. В культуре человек не преодолевает животное в себе — человеку лишь кажется, что он вышел из леса. В. В. Биbihин доверяется своему открытию: «лесное» в человеке не перестало быть и сейчас. Он пишет:

«Современный городской и технический человек не подпускает к себе близко лес, отмеряет себе его чары безвредными дозами, посмотреть на пейзаж, прогуляться по парку. Но лес именно потому, что он оттеснен, въедается в человечество непоправимее и злее. Так сказать, человечество не разобралось с лесом, и начинается разборка. Я не вижу ошибки в том, чтобы считать табак, вино и наркотик мезью леса, <эту> его, его соков, отравы и дыма, цепкую хватку на человеке. Современный город никак не может уйти от леса, лес тянется за ним в силе вина, табака, кожи» [6, с. 24].

Активность *рассчитывающего* сознания не позволяет увидеть близость *леса*. Однако, случись такой активности остановиться, человек, как говорит В. В. Биbihин, оказывается в состоянии *амехании* — беспомощности, непонимании, что делать [9, с. 67]. Человек обнаруживает, что движение, управляемое его сознанием, его *рациональной* способностью, ни на чем не основано, и он застывает в изумлении. То же В. В. Биbihин усматривает и в поведении животных*.

В состоянии амехании, в состоянии покоя, всякое сущее — будь то человек или животное — оказывается *автоматом*, то есть тем, что В. В. Биbihин вслед за Аристотелем понимает так: *само-себя-приводящее-в-движение*. У Аристотеля мы не обнаруживаем дефиниции автомата, но встречаем его в контекстах, где обсуждается движение (как любое изменение).

Оказавшись перед «лесом», материей, человек оказывается скованным в амехании: «Жесткость этих условий, чистая красивая смертельная геометрия создает стиль Аристотеля. Он уже за порогом этого знания; после принятия молчания — и школа вести себя по ту сторону невозможности шевельнуться» [6, с. 109]. В этой амехании мы *видим*, потому что останавливаются наши сознательные механизмы и начинает действовать автомат.

В этом неподвижном видении разворачивается исследование *леса*, читается Аристотель:

делает такое, что в генетической программе не записывается и нуждается в записи на бумаге, на глине, на чем-нибудь. Живому, и человеку в той мере, в какой он себя не знает, не сознаёт, в какой он остается живым существом, запись не нужна, потому что оно остается внутри странной софии, внутри ее авто-мата. Человеку становится запись нужна, потому что он *переступает* закон, строит то, что природа не подхватит и не закрепит. Память о предприятии, построенном называется «сознанием», «культурой» [6, с. 419–420]. Эти фрагменты, лишь на первый взгляд отделяющие человека от животных, при ближайшем рассмотрении не поддаются уточнению. Они догадки. Нерешенность этого вопроса у В. В. Биbihин видим из следующего отрывка: «То отличие человека от других животных, о котором смысл говорить имеет, странное, и оно кричащая проблема: всё, чем мы заняты, что мы делаем и говорим, это решение человеческой проблемы. Говорить сколько-нибудь окончательно о человеке иначе как в порядке острого вопроса, это как раз тот лишний европейский мусор, которому нужна метла американского аналитизма и прагматизма, она его мягко, снисходительно выметает» [6, с. 328].

* Об этом подробнее см.: Биbihин В. В. «Лес» [6, с. 96].

«Характеристика “природа делает для блага” не догматическая, а *эвристическая*, она напоминает, велит, что везде, где природная необходимость не сразу видна (а иногда она именно сразу ясно видна), сложность, обходность путей с повышением степеней риска *освобождают* от поисков, вообще-то не обязательных, и тут тоже какой-то скрытой необходимости, и заставляют искать, догадываться и осуществлять то, что *природа сама, возможно, не знает*» [6, с. 172].

В. В. Биbihин через линию лес-материя-матерь подходит к основному мотиву курса: осмыслить материя как то, что может быть *осмыслено*. Материя уже содержит все нужное для полноты, которая для своего осуществления нуждается в движущем начале. В сочинении «О возникновении животных» читаем:

«Итак, в растениях женский пол не разделен, мужской пол нуждается в женском. Однако может возникнуть вопрос: если самка имеет ту же самую душу, и материей зачатка является выделение самки, почему же она нуждается в содействии самца и не порождает сама? Причина в том, что животное отличается от растения наличием ощущения. Невозможно наличие лица, руки или какой-нибудь другой части без присутствия чувствительной души или в действительности, или в потенции, притом — или в определенном виде, или просто: ведь тогда будет труп или часть трупа» [3, с. 111].

Для рождения оформленного нужно усилие не только матери, которая могла бы сама дать всю материя, — нужна встреча мужского и женского:

«Чтобы стать душой, тело должно стать эйдосом. Что, оно бесформенное, а должно приобрести форму? Ничего подобного. В его форме ничего не изменится, то же уже сформированное живое тело и останется, только чуткое, полное внимания. Уточняется какого: не дневного, вдумчивого слежения за миром и собой, а того чуткого внимания, которое бывает и во сне и у пьяного, <хотя и> бессознательного, а всё равно <внимания> полноты человека, когда душа есть неким образом всё в мире. И у сонного, и у пьяного душа откликается на весь мир. Это эйдос тела» [6, с. 104].

В конце последней лекции курса «Лес» В. В. Биbihин обращает особое внимание на «эстетисис» Аристотеля. Автор приглашает *разобрать* «эстетику» Аристотеля. Это потребует пересмотра всей эстетической проблематики: предлагается переосмыслить «эстетисис» и видеть в ней отнюдь не низшую способность живого [6, с. 422]. В этой связи В. В. Биbihин предлагает обратиться к А. В. Ахутину*, чьему пониманию «эстетисиса» он, очевидно, следует:

«“Эстетисис”, в смысле — прямое и простое (непосредственное и неразложимое) схватывание, опознание, распознавание, причем все целиком здесь и сейчас... Эстетисис — это то, в чем и как само существующее всегда уже открыто каждому (оказалось) и чем каждый всегда уже вовлечен в него (очутился)» [6, с. 422].

В мужском — начало движения, и в этом принципиальное отличие животных от растений. Свойства животных — способность чувствовать и двигаться —

* А. В. Ахутин. Чтение «Таэтега» // АРХЭ: Труды культурно-логического семинара. Вып. 3. М., 1998. С. 129–133.

взаимосвязаны. Чувство оказывается не субъективной чувствительностью, а тем, что позволяет самостоятельно ориентироваться в мире. Форма животного — это цель развития животного, без нее *то, из чего* животное, не будет *знать*, в каком направлении изменяться: эстетис самца дает осуществиться эстетису плода, он оформляет, одушевляет плод, поэтому плод вырастает в полноте и цельности животного. В. В. Биbihин продолжает: «Этим космическим событием запрограммировано и представление мужского-женского, ведущее к “эстетису”, первому в-ниманию, в-биранию всего не “сознанием”, а телом, всем существом» [6, с. 422–423]. Плоду и вообще живому нужно это схватывание, опознание, оно же узнавание. Сцепка, схватывание, которое привносит мужское для определенной сочлененности частей животного, делает возможным такой рост животного, что оно само сможет схватывать, будет способно к эстетису. Тело животного и человека уже не просто материя. Внимательное рассматривание того, что показывается, имеет дело с собственно естеством. С тем, что есть. В этом рассматривании мы угадываем не «сознанием», а телом. Жизнь живет сама. В амехании человек только наблюдатель, даже собственного тела, в котором сознание участвует всегда вторично. Мудрость природы действует автоматически. Тут человек сближается с животным, ведь он видит, что его поведение не меньшая загадка. Человек и без амехании сам себя движет. Но обычный сознательный автоматизм ограничен и заслоняет человека от себя:

«Автомат, настоящий, который не устает, но не в том смысле, что он может отремонтировать сам себя, это могут и ненастоящие программные, механические автоматы, а в том, что он воссоздает каждый раз не сам себя, а воссоздает само воссоздание, больше чем сам себя» [6, с. 96–97].

Для человека и для животного полнота, счастье оказываются важнейшим. Цельность, полнота показываются в осуществлении самодвижущегося «мудрого» автомата. И наоборот, в осуществлении автомата видны цельность и полнота.

Вместе с вопросом о полноте каждого в отдельности вида В. В. Биbihин проясняет цели живого вообще. Животное выживает за счет собственного устройства, прилаженности этого вида к условиям, в которых он живет. В. В. Биbihин называет эту прилаженность успехом или «fit». Природа вида узнает себя как удачную форму для выживания в данных условиях, как собственную полноту, которая «то самое» этого вида. Именно в этих «успехах» проявляется определенность вида.

Итак, замысел В. В. Биbihина, как кажется, таков: прочитав биологические сочинения Аристотеля (что в историко-философской практике случается нечасто) на фоне его фундаментальных сочинений, помещая в фокус внимания именно материю.

Важным следствием такого пути чтения является новое открытие науки о природе: биология, этология, этика и онтология оказываются до неразличимости сплетены. Общие рассуждения Аристотеля в «Метафизике» о материи и причинах, в «Физике» — о движении, и в биологических сочинениях — о рождении животных после разбора В. В. Биbihина оказываются взаимопроясняющими моментами одной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. 687 с.
2. *Аристотель*. История животных / пер. с древнегреч. В. П. Карпова. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. 528 с.
3. *Аристотель*. О возникновении животных / пер. с древнегреч., вступ. статья и примеч. В. П. Карпова. М., Л.: Академия наук СССР, 1940. 250 с.
4. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.
5. Биbihин В. В. Онтологические основания правды // Историко-философский ежегодник '99. М.: Наука, 2001. С. 345–395. 456 с.
6. Биbihин В. В. Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
7. Биbihин В. В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с.
8. Биbihин В. В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
9. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2011. 1370 с.
10. Де Вааль Франс. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? / пер. с англ. Н. Майсурия. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 404 с.

REFERENCES

1. Aristotel'. *Sobranie sochinenij v 4 tomah. Tom 2* [Collected Works, vol. 2] / ed. Z. N. Mikeladze, Moscow, Mysl Publ., 1978 (in Russian).
2. Aristotel'. *Istoriia zhivotnykh* [History of animals] / transl. from Ancient Greek by V. P. Karpov. Moscow, Publ. Russian State University's for the Humanitie, 1996 (in Russian).
3. Aristotel'. *O vozniknovenii zhivotnykh* [Generation of Animals] / transl. from Ancient Greek, introductory article and comments by V. P. Karpov. Moscow, Leningrad, USSR's Academy of Science Publ., 1940 (in Russian).
4. Akhutin, A. V. *Poniatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremia («fiusis» i «natura»)* [The concept of “nature” in antiquity and in Modern times (“fuis” and “natura”). Moscow, Nauka Publ., 1998 (in Russian).
5. Bibikhin, V. V. *Ontologicheskie osnovaniia pravdy* [Ontological grounds of truth]. In: Historical and Philosophical Yearbook '99. Moscow, Nauka Publ., 2001 (in Russian).
6. Bibikhin, V. V. *Les* [The forest]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011 (in Russian).
7. Bibikhin, V. V. *Chtenie filosofii* [Reading of philosophy]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2009 (in Russian).
8. Bibikhin, V. V. *Jenergija* [Energy]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2010 (in Russian).
9. Vejsman, A. D. (2011) *Grechesko-russkij slovar'* [Greek-Russian dictionary]. Moscow, Publ. Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina, 2011 (in Russian).
10. Frans de Waal. (2017) *Dostatochno li my umny, chtoby sudit' ob ume zhivotnyh?* [Are We Smart Enough to Know How Smart Animals Are?] / transl. from eng. N. Majsurjan. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2017 (in Russian).